

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

ПОЛЯРНЫЙ ИСЛАМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: РОЖДЕНИЕ ФЕНОМЕНА В КОНТЕКСТЕ «НОВОЙ» ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Омаров Магомед Алиевич, доктор политических наук
Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация, 125993, ГСП-3, г. Москва, пл. Миусская, 6

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор
Московский государственный лингвистический университет
Российская Федерация, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1

Данная работа исследует один из самых малоизученных аспектов российских арктических исследований: мусульманское развитие в регионах быстро меняющегося российского Севера. В статье вводится понятие «новая мусульманская география» России для описания того, как происходит появление и развитие новых исламских ареалов. Для того, чтобы приблизиться к лучшему пониманию описываемых процессов, автор обращается к концепту «транссессии». Данный концепт способен дать объяснение динамике постсоветского исламского развития в самых разных регионах: от столичных центров до мусульманских республик, от межгосударственных границ до полярной тундры. В центре исследования – территориальный кейс Арктики как наиболее очевидный эмпирический пример мусульманской транссессии.

Ключевые слова: исламские коммуникации, транссессия, миграции, новая мусульманская география, полярный ислам

POLAR ISLAM IN POST-SOVIET RUSSIA: THE BIRTH OF A PHENOMENON IN THE CONTEXT OF A “NEW” ETHNO-SOCIAL MOBILITY

Omarov Magomed A., D. Sc. (Policy)
Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation

Magomedov Arbakhan K., D. Sc. (Policy), Professor
Moscow State Linguistic University
build. 1, 38 Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russian Federation

This work explores one of the most poorly studied aspects of Russian Arctic research: Muslim development in the regions of the rapidly changing Russian North. The concept of the “new Muslim geography of Russia” is introduced in the article to describe how the emergence and development of new Islamic areas occurs. In order to come closer to a better understanding of the described processes, the author turns to the concept of “transgression”. This concept is able to explain the dynamics of post-Soviet Islamic development in various regions: from metropolitan centres to Muslim republics, from interstate borders to the polar tundra. The study focuses on the territorial case of the Arctic as the most obvious empirical examples of Muslim transgression.

Keywords: Islamic communications, transgression, migration, new Muslim geography, polar Islam

Миграционные процессы играют все возрастающую роль в экономической и социальной жизни России. Еще в 2000-е гг. страна быстро вышла на второе место в мире по числу принимаемых мигрантов, уступив по этому показателю только США [10, р. 16]. Одновременно с этим мир переживает самую большую волну городского роста в истории человечества. Российские арктические и субарктические регионы не остались в стороне от этого глобального тренда [8]. Как отмечает российский исследователь Д. Опарин, с полярными регионами в России за мигрантов могут соревноваться только Москва, Санкт-Петербург и Кубань [6]. Отечественные арктические города становятся все более интернациональными. Эта эволюция связана с быстрым ростом промышленной деятельности (в основном добыча полезных ископаемых, промышленное рыболовство, лесное хозяйство и т. п.), а также с развитием социальных услуг, государственного управления и туризма.

Мы не исследуем различные типы социальной мобильности и связанные с ней виды миграции в российских полярных регионах. Эта работа посвящена одному из самых малоизученных аспектов российских арктических исследований: притоку в полярные города зарубежных и внутренних мигрантов, чья культура так или иначе отмечена мусульманскими традициями.

Российский случай в этом отношении не уникален. В Канаде провинция Альберта стала домом для растущей мусульманской общины: в городе Калгари построена крупнейшая мечеть в стране, а в городе Форт Мак-Мюррей, который является центром эксплуатации месторождений нефтяных песков, открыта мусульманская школа [4]. На российском Севере это явление еще более заметно: здесь круглый год

работают сотни тысяч выходцев из Центральной Азии, в основном из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. К этому добавились азербайджанцы, российские татары и башкиры, работавшие здесь с советских времен, а также быстро растущие общины внутренних мигрантов с Северного Кавказа. Так, по переписи 2010 г. численность представителей Центральной Азии, Закавказья и Северного Кавказа, например, в Ханты-Мансийском автономном округе составляло примерно 7 % [6]. Забегая вперед, можно сказать, что ХМАО и ЯНАО можно выделить как третий влиятельный мусульманский ареал России после Северного Кавказа и Урало-Поволжья.

«Старые» и «новые» мусульманские мигранты на российском Севере: встреча демографических и экономических тенденций. Справедливости ради нужно отметить, что приток мусульманского населения в полярные города не является чисто постсоветским явлением. Этнические мусульмане стали приезжать на российский Крайний Север еще в советские времена. Фактором, который связал мусульманские регионы Советского Союза с Арктикой, является нефтяная промышленность Сибири и суб-Арктики. К 1960-м гг. относится зарождение так называемой «старой» миграции. Это было время открытия крупных нефтяных месторождений Западной Сибири. В частности, в Ханты-Мансийском автономном округе начали работать азербайджанские инженеры, обучавшиеся в Бакинском институте нефтехимии. Спустя десятилетие – в 1970-х гг. в Западную Сибирь начали приезжать татарские и башкирские специалисты-нефтяники, которые заняли крепкие позиции в нефтяной отрасли региона. Постсоветские десятилетия внесли новые нюансы в характер азербайджанской миграции: количество азербайджанцев в арктических городах резко увеличилось, на этот раз не в нефтяном секторе, а в сфере услуг, в частности, в рыночной торговле. В результате, в крупных полярных городах начали складываться довольно большие и хорошо организованные мусульманские общины.

Ключевым элементом «новой» миграции стало массовое прибытие в российскую Арктику выходцев из Центральной Азии. Это можно назвать новым явлением, характерным для 2000-х гг., отмеченных как бурным экономическим ростом в России, так и долгосрочными демографическими и экономическими тенденциями на постсоветском пространстве. Население Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана в демографическом отношении является сравнительно молодым, а перспективы трудоустройства в этих странах незначительны в силу слабых экономик. Трудовая миграция стала способом, с помощью которого молодые безработные уходили за пределы центральноазиатских стран. Как результат, со второй половины 2000-х гг. мигранты из Средней Азии сформировали большую часть миграционных потоков в Сибирь и на Север. Они воспользовались промышленным бумом в ключевых нефтегазовых арктических и субарктических городах: от Ханты-Мансийска до Нового Уренгоя. Появились целые сектора городского хозяйства, которые нуждаются в дешевой рабочей силе трудовых мигрантов. Это касается строительного сектора (промышленное и гражданское строительство); городского хозяйства (уборка улиц и общественный транспорт); общественного питания и торговли (кафе, рестораны, рынки).

Приезд и закрепление в среднесрочной или долгосрочной перспективе мигрантов из Центральной Азии и Кавказа в арктических городах привело к ряду изменений в городском ландшафте: растущему числу мечетей и молельных домов; появлению этнических районов с их специализированными магазинами, ресторанами, кафе и базарами; новым социальным возможностям для общин мигрантов, которые стремятся воссоздать вид общественных институтов, которыми они пользовались дома. Формируются новые стратегии взаимопомощи. Например, мигранты из Центральной Азии, как правило, объединяются по национальностям или по регионам, в то время как дагестанцы воссоздают свои джамааты (религиозные общины, часто суфийские) на фоне роста смешанных браков с русскими или коренными народами.

Полярный ислам: появление нового социального феномена через механизм трансгрессии. Сказанное позволяет нам рассматривать полярный ислам в качестве нового феномена постсоветской России – как побочный продукт потоков трудовой миграции в промышленные города Крайнего Севера. Арктические города с их богатыми рынками труда оказались привлекательными объектами и конечными пунктами маршрутов социальной мобильности в Евразии. В данном фрагменте нашего исследования мы делаем попытку обозначить понятие «полярный ислам» для описания процессов зарождения и структурирования мусульманских общин в российских арктических городах.

Однако для того, чтобы лучше обозначить рождение этого нового социального явления, нам необходимо преодолеть некоторые застарелые стереотипы в отношении отечественной мусульманской географии. Для начала констатируем очевидный факт: российское исламское сообщество не является однородным. Оно неоднородно не только по историко-конфессиональному, демографическому, и социально-поселенческому признакам, но и по территориальному. Однако феномен мусульманской регионализации до сих пор оценивается в рамках консервативной дихотомии «Северный Кавказ – Урало-Поволжье». В пределах такого разделения весьма популярным стал сравнительный анализ исламского развития на примере двух наиболее ярких мусульманских кейсов: Дагестана и Татарстана. Компаративное рассмотрение исламской трансформации в этих двух республиках стал распространённой и весьма почтенной темой в научной литературе [11, р. 605–629; 5, с. 56–65; 7, р. 220–247; 1, с. 57–67].

Исследователи, работающие в этой парадигме, не хотели видеть очевидного: мусульманские перемещения, миграционные потоки, информационные и социальные коммуникации преобразили проблемное поле отечественного мусульманского сообщества. Миграционные процессы и факторы

социальной мобильности превратили, например, Москву в город со значительным мусульманским населением, численность которого насчитывает около двух млн. человек. Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и другие мегаполисы стали городами с многочисленным мусульманским населением и развитой исламской инфраструктурой. Наконец, как было сказано, мусульманская социальная динамика, связанная с трудовой миграцией и коммуникациями, привела к появлению такого феномена, как «полярный ислам». Последний стал важной составляющей социальных процессов и городского дизайна российской Арктики. В российских арктических регионах по состоянию на 2019 г. находятся 59 официально зарегистрированных мусульманских культовых объектов мечетей и молельных домов (см. табл.). Из них большая часть – 35 строений – находится в ХМАО и ЯНАО [4, с. 6–66]. Сегодня мечети, мусульманские бутики и магазины с халляльной едой воспринимаются как часть архитектурного ландшафта арктических городов, многие из которых расположены за полярным кругом [9]. Данные факты заставляют признать, что ислам вышел за пределы привычных ареалов Северного Кавказа и Поволжья, превратившись не только в значимый фактор российской городской жизни, но и распространившись на арктические территории. Наше исследование доказывает, что указанные факты опровергают безоговорочно устоявшееся и навязываемое деление российского ислама на два традиционных макрорегиона: Северный Кавказ и Урало-Поволжье.

Таблица

Исламская инфраструктура в регионах российского Севера (зарегистрированные мечети, молитвенные дома и молитвенные комнаты в российских арктических городах)

Регионы Арктики	Количество	Мечети, молельные дома, молельные комнаты
Мурманск	2	Мурманск (1 мечеть), Северодвинск (1 мечеть)
Архангельск	2	Архангельск (1 мечеть, 1 молитвенная комната)
Ненецкий автономный округ	0	Нет
Коми	8	Воркута (мечеть), Усинск (молельная комната), Вуктыл (молельная комната), Сыктывкар (2 молельные комнаты и мечеть на стадии строительства), Ухта (молельная комната), Печора (молельная комната), Инта (молельная комната)
ХМАО	21	Сургут (мечеть), Улт-Югун (мечеть), Новая Федоровка (мечеть), Нижневартовск (мечеть), Когалым (мечеть), Лангепас (мечеть), Покачи (мечеть), Пыть-Ях (мечеть), Няган (мечеть), Мегион (мечеть), Радужный (мечеть), Нижнесортимский (мечеть), Пойковский (мечеть), Новооганск (мечеть), Белоярский (мечеть на стадии строительства), Излучинек (молельный дом), Урай, Лиантор (мечети строятся), Югорск (мечеть), Советский (мечеть), Дивное (молельная комната)
ЯНАО	13	Новый Уренгой (мечеть), Салехард (мечеть), Лабытнанги (мечеть), Надым (мечеть), Ноябрьск (мечеть), Пангоды (мечеть), Муравленко (мечеть), Тарко-Сале (мечеть), Губкинский (молельный дом в муниципальном здании), Харп (молельный дом строится), Ханымей (молельная комната), Тазовский (молельная комната), Яр-Сале (молельная комната). Закрытые мечети в городах: Губкинский, Пурп, Ноябрьск, Новый Уренгой
Красноярский край	1	Норильск (мечеть)
Якутия	8	Якутск (мечеть), Мирный (мечеть), Айхал (мечеть), Нерюнгри (мечеть), Алдан (мечеть), Хандыга (мечеть), Ленский (мечеть строится), мечеть в тюрьме строгого режима Табага недалеко от Якутска
Магаданская область	2	Магадан (молельная комната), Сусуман (молельная комната)
Чукотка	0	Нет

Думается, что для того, чтобы приблизиться к лучшему пониманию описываемых процессов, необходимо обратиться к концепту «трансгрессия». В самом общем виде данный термин означает выход за рамки привычного, переход через непреодолимую границу. Он также подразумевает пространство перехода от одного фиксированного состояния к другому [2, с. 57–59; 3]. Данный концепт способен дать объяснение динамике постсоветского исламского развития в новых регионах: от столичных центров до пограничной Астрахани, от межгосударственных границ до полярной тундры. В качестве отправной

точки для объяснения исламо-политических процессов в рамках мусульманских коммуникаций мы можем использовать факт стремительно нарастающего миграционного давления с мусульманского юга России на немусульманские регионы, включая самые северные ареалы Арктики и субарктики [8, p. 463–473]. Тем самым можно лучше понять характер северного ислама, обусловленного миграционными перемещениями и переселениями.

Российский Север, особенно такие регионы как ХМАО и ЯНАО, можно выделить как третий влиятельный мусульманский регион после Урало-Поволжья и Северного Кавказа. Сказанное не означает, что в условиях российской Арктики появился «особый ислам», совершенно отличный от других мусульманских регионов страны. Большинство характерных черт, присущих арктическому исламу, можно легко найти в других регионах России. К их числу, например, относятся растущая многонациональность, борьба за институциональный контроль над мусульманскими общинами, расхождение в плане идеологических интерпретаций ислама, тенденция к секьюритизации [4, с. 5–58]. Тем не менее, такие особые характеристики арктического Севера России, как тяжелые климатические условия, территориальная отдаленность и промышленный характер полярных городов подталкивает к тому, чтобы акцентировать совершенно особые признаки, формирующие социальный ландшафт, в котором живут мусульмане региона. Именно эти характеристики определяют увлекательный региональный пример развития ислама в Арктике.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. За постсоветские десятилетия мусульманская география стала изменчивой, а территориальность – подвижной. Исламская миграция и глобализационные процессы поставили под вопрос прежний принцип стабильности мусульманских территорий.

Исследовательские дихотомии «Дагестан – Татарстан», «Северный Кавказ – Поволжье», которые стояли на вооружении отечественного исламоведения на протяжении долгого времени, были стандартной познавательной моделью. Поскольку описываемую социальную и миграционную динамику можно рассматривать как выход больших масс перемещающихся людей за границы прежнего социального порядка. Эти потоки людей, приезжая на другие территории, как это показано на примере арктических городов, создают новые социально-урбанистические реальности.

Появление и подъем полярного ислама подтверждает, что ислам более не географически изолирован в своих традиционных регионах, таких как Северный Кавказ и Урало-Поволжье, он распространился на все крупные города страны, даже на Крайнем Севере и Дальнем Востоке. Его растущая роль в критических регионах, таких как Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа – двух ключевых энергетических регионах России, означает, что ислам теперь встроен в будущее России новыми и быстро развивающимися способами, которые заслуживают нашего дальнейшего внимания. Для российских властей эта трансформация требует, чтобы они прекратили истолковывать ислам как религию для локализованных этнических меньшинств и открыли представление об исламе как о более широкой социальной тенденции, которая тесно связана с миграционными процессами и изменением городской социальной структуры. Думается, трансгрессионная парадигма может стать оптимальной аналитической моделью для понимания стремительно меняющегося российского ислама.

Думается, что, в силу указанных причин, потенциально плодотворным направлением социальных исследований может стать процесс появления исламских сообществ и мусульманской инфраструктуры в арктических городах России. Помимо всего прочего, данный процесс может определять новые особенности арктической урбанистики и развития мусульманской инфраструктуры в арктических городах Крайнего Севера России [4, с. 5–58]. Научную ценность может иметь совместное изучение таких процессов, как трудовая миграция и урбанистика, арктическая городская культура и растущая среда мультикультурализма. Такие исследования, проводимые с позиций различных познавательных парадигм и различных социальных наук, могут дать новое понимание феномена полярного ислама.

Не менее интересным может оказаться анализ процесса культурной адаптации мусульманских общин к их новой арктической идентичности. С этим вопросом тесно связана сюжетная линия о ключевых особенностях политического сознания мусульман Арктики. В совокупности с новыми арктическими практиками они показывают то, как проходил процесс складывания мусульманской арктической идентичности. Изучение этих процессов с помощью привлечения эвристического потенциала концепта трансгрессия, даст нам и другим ученым возможность ответить на вопрос: что делает полярный ислам «полярным»?

Здесь возникает еще один вопрос, ответ на который дадут будущие исследования. Как новые мигранты и новые социальные группы могут повлиять на коллективную и индивидуальную идентичность северных регионов? Будут ли новые дискурсивные драйверы дополнять или изменять прежние идентичности, связанные с такими некогда романтическими полярными нарративами, как удаленность от «большой земли» (материка), сила духа перед суровым климатом и бытовыми трудностями, человеческое господство над природой, контакт с культурами коренных народов и т. д.? Вопрос важный, поскольку указанные процессы могут повлиять на изменение или даже ослабление местной социальной устойчивости. В обществе формируются антимигрантские дискурсы, в которых приезжих обычно обвиняют в преступности, незаконном обороте наркотиков и исламском радикализме. В некоторых регионах были даже инициированы антимигрантские законодательные меры. В декабре 2012 г. бывший губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа Д. Кобылкин принял решение запретить въезд в регион внешним мигран-

там, за исключением тех, кто имеет приглашение от жителя региона или разрешение на работу; в аэропорту и на вокзалах были установлены контрольно-пропускные пункты. Присутствие групп скинхедов в некоторых городах, таких как Воркута и Новый Уренгой, привело, как и в других регионах России, к столкновениям между ультраправой молодежью и группы мигрантов, что говорит о перспективе роста межэтнической напряженности.

Список литературы

1. Абдулагатов, З. Дагестан и Татарстан: две тенденции в государственно-конфессиональных отношениях, определяемых российским исламом / З. Абдулагатов // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – № 1 (37). – С. 57–67.
2. Громова, Е. А. Трансгрессирующее общество: о метаморфозах социального порядка / Е. А. Громова // Вестник Волгоградского университета. Сер. 7: Философия. – 2015. – № 3 (29). – С. 57–59.
3. Каштанова, С. Н. Трансгрессия как социально-философское понятие / С. Н. Каштанова. – Санкт-Петербург, 2016.
4. Магомедов, А. К. Появление и институционализация мусульманских сообществ в российских арктических городах: адаптационные практики и становление северной исламской идентичности / А. К. Магомедов // Межконфессиональные отношения в регионах российской Арктики и субарктики / отв. ред. М. А. Омаров. – Москва: РГУ, 2019. – С. 5–58.
5. Малашенко, А. Два несхожих ренессанса / А. Малашенко // Отечественные записки. – 2003. – № 5. – С. 56–65.
6. Опарин, Д. Мусульманское пространство Томска и его акторы / Д. Опарин. – Режим доступа: <https://www.ridl.io/ru/musulmanskoie-prostranstvo-tomska-i-ego-aktory/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
7. Goncharova, N. Russische Muslime in Tatarstan und Dagestan: Zwischen Autonomie und Integration / N. Goncharova // Auf Der Suche nach Eurasien. Politik, Religion und Alltagskultur zwischen Russland und Europa / Hg. M. Kaiser. Bielefeld, 2004. S. 220-247;
8. Laruelle M. Central Asian Migrants as New Actors in Russia's Arctic Urban Landscape / M. Laruelle // Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges / ed. By Marlene Laruelle and Robert Ortung. – Washington DC: IERES, 2017. – P. 463–473.
9. Laruelle, M. Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities / M. Laruelle, S. Hohmann // Problems of Post-Communism. – 2019. 22 August. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1616565>, ограниченный.
10. Mansoor, A. Migration and Remittances. Eastern Europe and the Former Soviet Union / A. Mansoor, B. Quillin. – Washington DC: The World Bank, 2006.
11. Yemelianova, G. Islam and Nation Building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation / G. Yemelianova // Nationalities Papers. – 1999. – Vol. 27, no. 4. – P. 605–629.

References

1. Abdulagatov, Z. Dagestan and Tatarstan: two tendencies in state-confessional relations determined by Russian Islam. *Central Asia and the Caucasus*, 2005, no. 1 (37), pp. 57–67.
2. Gromova, E. A. Transgressive society: about the metamorphoses of the social order. *Bulletin of the Volgograd University. Series 7 "Philosophy"*, 2015, no. 3 (29), pp. 57–59.
3. Kashtanova, S. N. *Transgression as a socio-philosophical concept*. St. Peterburg, 2016.
4. Magomedov, A. K. The emergence and institutionalization of Muslim communities in Russian Arctic cities: adaptation practices and the formation of northern Islamic identity. *Interfaith relations in the regions of the Russian Arctic and subarctic*. Ed. By M. A. Omarov. Moscow, RGGU Publ., 2019, pp. 5–58.
5. Malashenko A. Two dissimilar renaissances. *Otechestvennye zapiski*, 2003, no. 5, pp. 56–65.
6. Oparin D. *Muslim space of Tomsk and its actors*. URL: <https://www.ridl.io/ru/musulmanskoie-prostranstvo-tomska-i-ego-aktory/>.
7. Goncharova, N. Russische Muslime in Tatarstan und Dagestan: Zwischen Autonomie und Integration. *Auf Der Suche nach Eurasien. Politik, Religion und Alltagskultur zwischen Russland und Europa*. Hg. M. Kaiser. Bielefeld, 2004, pp. 220–247.
8. Laruelle M. Central Asian Migrants as New Actors in Russia's Arctic Urban Landscape/ Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges. Ed. By Marlene Laruelle and Robert Ortung. Washington DC: IERES, 2017. P. 463–473.
9. Laruelle, M., Hohmann, S. Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities. URL: <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1616565>.
10. Mansoor, A., Quillin, B. *Migration and Remittances*. Eastern Europe and the Former Soviet Union (Washington DC: The World Bank Publ., 2006.
11. Yemelianova, G. Islam and Nation Building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation. *Nationalities Papers*, 1999, vol. 27, no. 4, pp. 605–629.